

1471
48

9(0)14
~~48~~
48 ✓

РУССКІЙ БЫТЬ

+ 0P 91

ПО ВОСПОМИНАНІЯМЪ СОВРЕМЕННОКОВЪ.

XVIII вѣкѣ.

ч. I.

ОТЪ ПЕТРА ДС ЕКАТЕРИНЫ II-й.

(1698—1761 гг.).

Сборчикъ отрывковъ изъ записокъ, воспоминаній и писемъ, составленный

П. С. Мельгуновой, Н. В. Сувковича и Н. П. Сидоровича.

+ доб. на „Русскій Дѣй“

МОСКВА.
Книгоиздательство „ЗАДРУГА“.
1914.

Прибыловичъ и Barnabus Wolostowskij. Каждый изъ профессоръ и преподавателей получаетъ отъ Царя по 150 рублей въ годъ. Жалованье аккуратно производится имъ изъ Печатнаго Приказа; ученики въ двухъ высшихъ классахъ theologiae et philosophiae studiosi, получаютъ на содержаніе по 4 коп. въ день, остальные по 3. Архимандритъ Лопатинскій говоритъ, что еслибъ первые основатели школы живо приняли къ сердцу ея процвѣтаніе и развитіе, то имъ не трудно было бы настоять на опредѣленіи ученикамъ втрое большаго содержанія противъ нынѣшняго; чрезъ это наплывъ учениковъ безъ сомнѣнія значительно увеличился бы.

Кромѣ этой Патріаршей школы, Царь основалъ въ Москвѣ еще одно учебное заведеніе, въ которомъ первоначально ректоромъ былъ Германскій уроженецъ Бидловъ, а преподавателями десять чужеземцевъ: Нѣмцевъ, Шведовъ, Французовъ и Итальянцевъ. Но профессора Патріаршей школы, изъ зависти, постоянно преслѣдовали ихъ, а Русскіе князья и бояре ненавидѣли ихъ и, въ концѣ-концовъ, ректоръ и бѣольшая часть учителей сказаннаго заведенія были отставлены отъ должностей. Теперь заведеніе это почти уничтожено; въ немъ осталось всего четыре наставника: преподаватели Нѣмецкаго, Латинскаго, Шведскаго и Итальянскаго языковъ. Въ Москвѣ Царь учредилъ также школу математики, но и она пустуетъ, вслѣдствіе ухода учителей.

Юсть Юль.

Н О В И К И.

1.

(1721 г.). Прибыли въ Санктпетербургъ 22-го числа. Разстояніе отъ Риги 202 версты, отъ Дерпта до Нарвы 141, отъ Нарвы 165, всего 501 верста. Во весь вышеписанный вояжъ издержалъ я собственныхъ 400 рублей, да государевыхъ 600 рублей. Каждый изъ насъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, пристали у нашихъ родственниковъ, а я у капитана гвардіи Семена Марковича Спицына.

На завтра, собравшись вся наша компанія ко мнѣ на квартиру, пошли явиться генералу-адмиралу, а потомъ ко всѣмъ флагманамъ, находящимся въ Петербургѣ, и ко всѣмъ присут-

ствующимъ въ адмиралтейской коллегіи. Всѣ насъ приняли весьма ласково, особливо Григорій Петровичъ Чернышевъ, который о вояжѣ и службѣ нашей внѣ государства подробно и милостиво спрашивалъ и обнадежилъ насъ своимъ представтельствомъ у его величества, подавъ намъ, какъ отецъ, совѣтъ, чтобы просили генерала-адмирала быть представленны къ государю, и когда его величество изъ насъ съ кѣмъ говорить изволить, то чтобы мы по истинѣ и безъ робости сказали, кто что знаетъ, и сколько кто преуспѣлъ въ наукахъ. За такуюю его милость мы всѣ, какъ неимущіе никакого покровительства, а по нашему отлученію отъ отечества не токмо отъ равныхъ намъ возненавидѣны, но и отъ свойственникововъ нашихъ при первомъ случаѣ насмѣшкою и ругательствомъ по европейскому обычаю, въ насъ примѣченному, осмѣянные, благодарили Григорія Петровича со слезами. Флагманъ Зміевъ, человекъ въ морской наукѣ весьма искусный, любопытствовалъ у каждаго изъ насъ о нашемъ въ навигаціи знаніи и, сколько примѣтитъ можно, Кайсарова и моими отвѣтами былъ доволенъ.

На завтра пошли мы въ адмиралтейскую коллегію и ожидали прибытія генераль-адмирала, который пріѣхавъ и насъ увидя, сказалъ, что онъ объ насъ доложить, и когда приказано будетъ, чтобы явились въ коллегію, а нынѣ-бъ шли по домамъ.

26-го числа была асамблея на почтовомъ дворѣ, на которой генераль-адмиралъ государю объ насъ докладывалъ, и отъ него получили повелѣніе, чтобъ намъ быть представленнымъ завтра въ адмиралтейской коллегіи, почему мы и получили отъ коллегіи приказъ явиться въ 5 часовъ въ коллегію. Не знаю, какъ мои товарищи оное приняли, а я всю ночь не спалъ, готовился какъ на страшный судъ.

И по сему приказу собрались мы въ назначенное время въ коллегію, а между тѣмъ присутствующіе сѣзжались, изъ коихъ генераль-адмиралъ, идучи мимо, сказалъ намъ: «Я васъ теперь государю представляю». А черезъ малое время потомъ пріѣхалъ Григорій Петровичъ Чернышевъ и, остановясь съ нами, говорилъ то же, что и въ своемъ домѣ, и ласковымъ и милостивымъ симъ разговоромъ убавилъ нашего страха. Наконецъ, и его величество прибыть изволилъ, но не тѣмъ путемъ, которымъ мы его ожидали; потому мы и не имѣли счастья путь его видѣть. Въ 7 часовъ впустили насъ въ присутственную палату.

Мы его величеству поклонились въ ноги, а прочимъ въ поясъ. Онъ, будучи или немощень, или не весель, чего я не знаю, изволиль спросить насъ только, имѣемъ ли мы отъ командировъ тамошнихъ аттестаты, и всѣ-ль на галерахъ, или иные и на корабляхъ служили. Получивъ на сіе отвѣтъ, оборотясь къ генераль-адмиралу, изволиль сказать слѣдующее: «Я хочу ихъ самъ увидѣть на практикѣ, а нынѣ напишите ихъ во флотъ гардемаринами». Не успѣль послѣдней рѣчи государь еще окончить, какъ великодушный покровитель всѣхъ бѣдныхъ, Григорій Петровичъ, очень громко сказалъ его величеству: «Грѣхъ тебѣ, государь, будетъ: люди по волѣ твоей больше отлученные отъ своихъ родственниковъ въ чужихъ краяхъ, и по бѣдности ихъ сносили голодъ и холодъ и учились по возможности, желая угодить тебѣ и по достоинству своему и въ чужомъ государствѣ были уже гардемаринами, а нынѣ, возвратясь по твоей же волѣ и надѣясь за службу и науку получить награжденіе, отсылаются ни съ чѣмъ и будутъ наравнѣ съ тѣми, которые ни нужды такой не видали, ни практики такой не имѣли». Его величество на сіе изволиль ему отвѣтствовать: «Я ихъ награжу; пусть только одну кампанію прослужать!» «Но легко-ль, государь, гардемаринами служить», сказалъ Григорій Петровиъ, «такимъ, кои изъ нихъ есть достойны управлять кораблемъ или галерою»? Государь спросилъ его: «Кто-жъ бы такіе были, кто-бъ такъ достоинъ»? Онъ ни мало не мѣшкавъ: «Кайсаровъ и Неплюевъ». Сіи слова наполнили меня благодарностью, радостію и страхомъ, и такъ меня замѣшало, что я уже послѣ примѣтилъ, что государь, желая, чтобъ насъ двоихъ ему указали, и обоихъ изволиль пристально осматривать и потомъ, помолчавъ немного, изволиль приказать записать свой указъ, чтобъ въ коллегіи было въ будущемъ мѣсяцѣ полное собраніе, при которомъ насъ всѣхъ какъ въ навигаціи, такъ и въ прочихъ наукахъ и языкахъ экзаменовать, при чемъ онъ и самъ быть желаетъ; а потомъ насъ вонъ выслали...

30-го іюня присланъ къ намъ отъ коллегіи приказъ явиться 1-го іюля на экзамень. Мы, собравшись у коллегіи, дожидались повелѣнія. Въ 8 часовъ государь пріѣхаль въ одноколкѣ и, мимо идучи, сказалъ намъ: «Здорово, ребята». Потомъ, чрезъ нѣкоторое время впустили насъ въ асамблею, и генераль-адмиралъ приказалъ Зміевичу напередъ спрашивать порознь, что

кто знает о навигаціи. Потомъ, какъ дошла и моя очередь (а я былъ, по условію между нами, изъ послѣднихъ), то государь изволилъ подойти ко мнѣ и, не давъ Зміевичу дѣлать задачи, спросилъ: «Всему ли ты научился, для чего былъ посланъ»? На что я отвѣтствовалъ: «Всемиловѣйшій государь, прилежалъ я по всей моей возможности, но не могу похвалиться, что всему научился, а болѣе почитаю себя предъ вами рабомъ недостойнымъ и того ради прошу, какъ предъ Богомъ, вашей ко мнѣ щедроты». При сказываніи сихъ словъ я сталъ на колѣни, а государь, оборотивъ руку праву ладонью, далъ поцѣловать и при томъ изволилъ молвить: «Видишь, братецъ, я и царь, да у меня на рукахъ мозоли; а все отъ того: показать вамъ примѣръ и хотя-бъ подъ старость видѣть мнѣ достойныхъ помощниковъ и слугъ отечеству». Я, стоя на колѣняхъ, взялъ самъ его руку и цѣловалъ оную многократно, а онъ мнѣ сказалъ: «Встань, братецъ, и дай отвѣтъ, о чемъ тебя спросятъ; но не робѣй; буде что знаешь, сказывай, а чего не знаешь, такъ и скажи». И оборотясь къ Зміевичу, приказалъ разспросить меня; а какъ я давалъ отвѣты, то онъ изволилъ сказать Зміевичу: «Разспрашивай о высшихъ знаніяхъ». И по окончаніи у всѣхъ разспросовъ, тутъ же пожаловалъ меня въ поручики въ морскіе галернаго флота и другого — Кайсарова, а и другихъ также пожаловалъ, но ниже чинами. Черезъ малое потомъ время указалъ государь опредѣлить меня, Неплюева, смотрителемъ и командиромъ надъ строящимися морскими судами, по каковому случаю видѣлъ я государя почти ежедневно, и всякій разъ благоволилъ со мною разговаривать о всякихъ вещахъ и случаяхъ. И отъ флагмановъ — Григорія Петровича Чернышева, къ которому я во всякое свободное время хаживалъ, и отъ Зміевича слыхалъ, что: «Государь де тобою, господинъ поручикъ, является доволенъ и изволилъ говорить, что въ этомъ маломъ путь будетъ». Они же мнѣ подавали совѣты, чтобъ я прилежалъ къ своему дѣлу и былъ бы исправенъ: «То де его величество тебя не оставитъ; только будь проворенъ и говори правду и ничего не солги, хотя бы что и худо было; онъ де больше разсердится, буде что солжешь». Ихъ слова и въ правду явились. Однажды я пришелъ на работу, а государь уже прежде пріѣхалъ. Я испужался презлѣно и хотѣлъ бѣжать домой больнымъ сказаться, но, вспомянувъ тотъ отеческій моего благо-

дѣтеля совѣтъ, бѣжать раздумалъ, а пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ государь находился; онъ, увидѣвъ меня, сказалъ: «Я уже, мой другъ, здѣсь!» Я ему отвѣчалъ: «Виноватъ, государь, вчера былъ въ гостяхъ и долго засидѣлся и оттого опоздалъ». Онъ, взявъ меня за плечо, пожалъ, а я вздрогнулъ, думалъ, что прогнѣвался: «Спасибо, малый, что говоришь правду: Богъ простить! Кто бабѣ не внукъ! А теперь поѣдемъ со мной на родину».

И. Неплюевъ.

2.

Ивана Михайловича Головина государь весьма любилъ и жаловалъ и послалъ его въ Венецію, чтобъ онъ тамъ научился кораблестроенію и узналъ конструкцію галеръ, равно и италіанскому языку. Головинъ жилъ тамъ четыре года. По возвращеніи оттуда, монархъ, желая знать, чему онъ выучился, взялъ его съ собой въ адмиралтейство, повелъ на корабельное строеніе и въ мастерскія и, показывая, спрашивалъ обо всемъ; но отвѣты показали, что Головинъ ничего не знаетъ. Наконецъ, Петръ Великій спросилъ: «Выучился ли хотя по италіански?» Головинъ признался, что очень мало и сего. «Ну, такъ что-жъ ты дѣлалъ?» спросилъ его государь. «Всемиловѣйшій государь», отвѣчалъ ему Головинъ; — «я курилъ табакъ, пилъ вино, веселился и учился играть на басу и рѣдко выходилъ съ двора». Какъ вспыльчивъ государь ни былъ, однако чистосердечнымъ и откровеннымъ признаніемъ былъ такъ доволенъ, что лѣнность его ознаменовалъ только титуломъ: «князь баса», и велѣлъ нарисовать его на картинѣ съ курительною трубкою, сидящаго за столомъ, веселящагося и окруженнаго подлѣ музыкальными инструментами, а математическіе и прочіе инструменты брошенными вдали, въ знакъ того, что науки ему не понравились, и что выучился онъ только играть на басу. Сію картину видѣлъ я самъ у государя, и которою его величество любовался. При всемъ томъ Головинъ находился въ службѣ при адмиралтействѣ въ чинѣ генераль-маіора. Петръ Великій любилъ его за прямодушіе, за вѣрность, и за природные таланты. Въ бесѣдахъ, гдѣ бывалъ государь, бывалъ и Головинъ, то между ближними своими называлъ его въ шуткахъ ученымъ человѣкомъ и знаткомъ корабельнаго искусства или Басомъ.

А. Нартовъ.

его до того, что оно не могло пошевелиться, онъ отнялъ у всѣхъ дворянъ, отъ высшаго до низшаго, и самую малѣйшую тѣнь ихъ старыхъ преимуществъ и отмѣнилъ старинный образецъ, по которому въ законахъ и указахъ упоминалось о согласіи Бояръ и который его предки все же постоянно считали полезнымъ сохранять, хотя и очень тоже урѣзали инья уже дворянскія преимущества. Затѣмъ онъ не скрывалъ дальше своихъ мыслей о преобразованіяхъ, обходился съ иностранцами съ особенной пріязнью, безъ различія ихъ званія и нрава, но зато не упускалъ и никакого случая къ язвительной насмѣлкѣ надъ своимъ народомъ, его нравами и обычаями; если же старые Бояре хотѣли отклонить его отъ того, онъ поступалъ съ ними самымъ позорнымъ и обиднымъ образомъ, да и всегда его любимцы поднимали ихъ на смѣхъ, какъ дураковъ.

І. Фоккеродтъ.

НАЗНАЧЕНІЕ НОВИКА НА СЛУЖБУ.

1721 года, генваря въ первыхъ числахъ, былъ трактоментъ для всѣхъ бояръ и для морскихъ и гвардіи офицеровъ, почему и я тутъ былъ. Мы, отобѣдавъ прежде, изъ-за столовъ встали, и я и со мною нѣсколько человѣкъ вошли въ ту камору, гдѣ государь сидѣлъ еще за столомъ; государь былъ очень веселъ и по маломъ времени изволилъ начать разговоръ, что ему потребенъ человѣкъ съ италіянскимъ языкомъ — послать въ Царьградъ резидентомъ. Александръ Гавриловичъ отвѣчалъ, что онъ такого не знаетъ, а Ѳедоръ Матвѣевичъ говорилъ, что онъ такого знаетъ и очень достойнаго, но то бѣда, что очень бѣденъ. Государь отвѣчалъ, что бѣдность не бѣда. «Этому помочь можно скоро, но кто тотъ такой?» Ѳедоръ Матвѣевичъ сказалъ: «Вотъ онъ за тобою стоитъ». «Да ихъ стоитъ за мною много», сказалъ государь. Ѳедоръ Матвѣевичъ отвѣчалъ: «Твой хваленый, что у галернаго строенія». Онъ оборотился и, глядѣвъ на меня, изволилъ сказать: «Это правда, Ѳедоръ Матвѣевичъ, что онъ добръ, но мнѣ хотѣлось его у себя имѣть». Я поклонился государю; а онъ, подумавъ, изволилъ приказать, чтобъ меня во оную посылку назначить; и при семъ изъ-за стола встали, а меня адмиралъ поздравилъ резидентомъ и, взявъ за руку, повелъ благодарить къ государю.

Я упалъ ему, государю, въ ноги и, охватя оныя, цѣловалъ и плакалъ. Онъ изволилъ самъ меня поднять и, взявъ за руку, говорилъ: «Не кланяйся, братецъ! Я вашъ отъ Бога приставникъ, и должность моя — смотрѣть того, чтобы недостойному не быть, а у достойнаго не отнять; буде хорошъ будешь, не менѣе, а болѣе себѣ и отечеству добро сдѣлаешь; а буде худо, такъ я — истецъ; ибо Богъ того отъ меня за всѣхъ васъ востребуетъ, чтобъ злomu и глупому не дать мѣста вредъ дѣлать; служи вѣрою и правдою! Въ началѣ Богъ, а при немъ и я долженъ буду не оставить». Сіе говоря, оборотясь, изволилъ молвить: «Кого-жъ возьму на его мѣсто»? И съ тѣмъ словомъ опустилъ свою руку, а я при семъ цѣловалъ оную, и изволилъ отъ меня удалиться. Благодетель мой Григорій Петровичъ меня обнялъ и цѣловалъ отъ радости; а я не могъ ему промолвить ни слова.

25-го генваря изъ коллегіи иностранной присланъ именной указъ, дабы меня изъ адмиралтейской коллегіи прислать во оную для посылки резидентомъ ко двору султана Турскаго въ Константинополь.

26-го генваря въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ учиненъ мнѣ, Неплюеву, окладъ резидентскій на годъ по три тысячи рублей; на подъемъ пожаловалъ государь тысячу рублей, а тѣ деньги велѣно принять въ Москвѣ, а инструкція дана изъ оной же коллегіи февраля 26-го числа, котораго дня я имѣлъ отпускную аудіенцію, при коемъ случаѣ его величество изволилъ поступать со мною съ отмѣнной милостію, обнадеживалъ своею государскою милостію и, прощаясь со мною, поцѣловалъ меня въ лобъ и изволилъ сказать послѣднее таковое слово: «Прости, братецъ, кому Богъ велитъ видѣться!» О разговорахъ, при томъ бывшихъ, не описую, потому что запомнилъ, съ единой стороны отъ того, что я обрадованъ былъ такимъ милостивымъ мѣстомъ и отпускомъ; съ другой стороны, я совершенно былъ внѣ себя отъ печали и отъ слезъ, съ нимъ, государемъ, прощаясь. Потомъ былъ я для прощанія у господъ министровъ, которые меня всѣ обнадеживали своею помощію, а я просилъ ихъ о неоставленіи меня, потому что я сихъ министерскихъ дѣлъ не отправлялъ. Былъ я также у всѣхъ нашихъ морскихъ командировъ, кои меня также весьма ласково отпустили. Господина Зміевича просилъ я о неоставленіи въ случаяхъ нужныхъ

жены моей и деревнюшекъ. Пришедъ къ генераль-адмиралу прощаться, донесъ ему, что я отъѣзжаю и просилъ его о неоставленіи меня по заочности; онъ мнѣ на сіе только сказалъ: «Дуракъ!» Я, поклонясь его сіятельству, докладывалъ, что не знаю, чѣмъ его прогнѣвалъ, а онъ мнѣ на то отвѣчалъ то же слово: «Дуракъ!» На что я уже и не посмѣлъ ничего говорить, а онъ, помолчавъ, сказалъ: «Съ чѣмъ ты жену да дѣтей оставляешь? Вѣдь имъ только что по міру ходить; для чего ты не просилъ государя, чтобъ давать въ твое отсутствіе по окладу твоего чина имъ отъ насъ жалованья?» Я ему на то докладывалъ, что того не посмѣлъ да и не думалъ; а онъ, выслушавъ сіе, закричалъ на меня: «Потому-то ты и дуракъ! Да добро, помиримся и простимся съ тобою! Коли будешь хорошо служить, такъ государь тебя не оставитъ и наградитъ; онъ и вчера со мною говорилъ; прикажи же женѣ своей, что ежели ей въ чемъ нужда будетъ, то-бъ ко мнѣ за всѣмъ присылала, сколько ей будетъ надобно; я и деньгами ссужать буду». Я доложилъ на сіе его сіятельству, что я жену намѣренъ отправить въ деревню, ибо здѣсь себя содержать не можно. «Ну, такъ вели ей ко мнѣ писать, сказалъ на то генераль-адмиралъ; я всякую ей помощь сдѣлаю». Простясь я съ нимъ, для того-жъ пошелъ къ Григорью Петровичу Чернышеву; сей добродѣтельный мужъ прощался со мною, какъ съ кровнымъ, и далъ мнѣ еще отеческое наставленіе, чтобъ я служилъ и отправлялъ дѣло мое съ подлежащею вѣрностію: «А прежде де отъѣзда твоего сходи къ Остерману и съ нимъ ознакомься: онъ по вашимъ дѣламъ у государя въ отмѣнности; а я де за тебя его уже просилъ, чтобъ онъ тебя любилъ и чтобъ далъ тебѣ наставленіе, какъ тебѣ поступать». А сверхъ того и такое сдѣлалъ мнѣ благодѣяніе: изъ деревень его замосковныхъ Ерополець былъ отданъ въ рекруты во флотъ одинъ крестьянинъ, именемъ Аѳанасій, который по той причинѣ жилъ въ домѣ Григорья Петровича и всему былъ обученъ и весьма проворенъ; того онъ далъ мнѣ вмѣсто деньщика, а моего деньщика взялъ на то мѣсто, увѣривъ меня, что я на сего человѣка могу во всемъ положиться. Простясь я съ моимъ благодѣтелемъ, былъ у Остермана, который меня принялъ также весьма ласково и далъ мнѣ на многіе случаи поученія, о чемъ я прежде по истинѣ и не думалъ.

И. Неплюевъ.

1.

Егда же благоволи Богъ изъ тьмы возсіати свѣту и возсіати въ сердцахъ сыновъ Россійскихъ, дароваль свѣту Петра Великаго, посади на престолѣ блаженной Россіи, на престолѣ отецъ его, вѣнча славою и честію, разумомъ просвѣщеннымъ, премудростію, вѣдѣніемъ, помаза муромъ, милостію и щедротами, запечатлѣвъ печатію дара Духа Святаго, Царя Великаго въ Царяхъ честныхъ, посади того по имени и величеству блаженныхъ дѣлъ перваго въ Царяхъ Великаго Россійскаго, въ вѣкъ обѣща ему милость свою: ненавидящихъ уничтожить, враговъ истребить, злые ихъ совѣты аки прахъ возмести, да видятъ вси живущіи на земли, яко самъ Вышній благословилъ Россію. И тогда даде начало славы, начало побѣдъ, начало блаженствъ.

Той отецъ нашъ Петръ Великій Вышняго святою волею положилъ основаніе всѣхъ благъ блаженной Россіи, на томъ основаніи Вышняго строителя зиждется и исполняется, еже жела сердца Петра Великаго. Той отецъ нашъ Петръ Великій всякое невѣдѣніе и неразумѣніе просвѣти, и всякое суевѣріе истреби, надѣли премудрымъ знаніемъ, здравымъ совѣтомъ, политическимъ обхожденіемъ, кроткимъ нравомъ, воскреси Россію полумертвую, воздвиге спящую, слабую въ силѣ, малочувственную по имени своему сотвори камени подобную, возведя отъ тьмы ко свѣту, отъ незнанія къ знанію, отъ безчестія къ славѣ. Бысть на землѣ колеблима сила наша, а нынѣ она и на морѣ крѣпка, аки стѣна. Все, что видимъ цвѣтущее и славимое въ Россіи, все сіе заботы, труды и дѣла Петра Великаго. Сей Великій Императоръ многое, чудное и великое руками своими создалъ на четырехъ моряхъ флоты великіе кораблей и галеры, состроилъ великія гавани, создалъ каналы, аки рѣки великія и много-

полезныя, содѣлалъ чины, и степени и порядки, и благочиніе семейнаго обхожденія, и благопріятныя обычаи въ Россіи насадилъ, и прочими безчисленными благодѣянiami обогатилъ и прославилъ.

И еще мы толикое его къ Россіи явленное благодѣянiе умолчимъ, то каменіе вѣщати принудимъ къ облеченію каменно-сердечія нашего, что толикое время благодѣтеля своего не возблаговѣствовали и данныя намъ отъ него таланты на оеатропъ свѣта къ прославленію преславныхъ дѣлъ не изнесли, и коснимъ яко черепокожніи въ хожденіи къ прославленію дѣлъ отца нашего, Петра Великаго.

Чуждіе народы и не суть присніи рабы, и тіи блаженныя дѣла его, елико возмogli собрать, печати предали, и тіи блаженныя дѣла его прославляютъ и преславнымъ дѣянiami его удивляются; мы же, по отеческою къ намъ щедротою сыны любезныя нареченныя быхомъ, а благодарствія сыновня не воздахомъ. Съ воздыханіемъ сердцея возглаголимъ: «отче нашъ, Петръ Великій! ты насъ отъ небытія въ бытіе привелъ; мы до тебя быхомъ въ невѣдѣнii, и отъ всѣхъ порицаеми невѣждами, ничтоже имущи, ничтоже знающи, ничтоже вѣдущи, кромѣ истинныя Вѣры. Ты насъ просвѣти и прослави славою, сотвори искусными въ полезныхъ знаніяхъ, регулѣ, мужествѣ, храбрости, премудрости. До тебя вси нарицаху насъ послѣдними, а нынѣ нарицають первыми. Капли пота трудовъ твоихъ было наше муро благовонное, облагоухавъ славу Россіи въ концахъ всего міра, уврачева болѣзни всея Россіи».

Не въ насъ ли всѣ дѣянiя его быша? Не глазами ли нашими зрѣхомъ донынѣ блаженныя труды его? Не его ли трудами вся Россія обновлена и престолъ Царскій короною Императорскою украси? На что ни взглянемъ, куда ни обратимся—всюду труды и блаженныя дѣла отца нашего Петра Великаго. Аще въ насъ и предъ очію нашу Великій Петръ основа и созда, то для чего благодѣтелю своему за благодѣянiе благодаренія не возда. Или хотимъ уподобиться роду Іудейскому, не возблагодарившему благодѣтеля своего? Гдѣ не скажутъ, что дотолѣ Россія толикаго Государя не имѣла? Гдѣ не засвидѣтельствуютъ, что отъ того славный и высокоименитый сдѣлался народъ Россійскій? Богъ, дивный судьбами своими, благословилъ державнымъ Петромъ Россію и просвѣти разумомъ просвѣщен-

нымъ, знаніемъ премудрости, мужествомъ, крѣпостію, регулами, и прочими блаженствами.

Малыя капли дождя наводняютъ великія рѣки, а рѣки великія моря, тако и сношеніемъ дѣлъ Петра Великаго самое море великое преславныхъ дѣлъ его собратися можетъ. Азь рабъ сего благочестиваго Императора, мній всѣхъ, по милости его на себѣ имѣхъ, и дѣлъ блаженныхъ его нѣкоихъ самовидецъ быхъ, и что могъ собрать отъ дня рожденія его, то-есть отъ 1672 по 1696 годъ, та блаженныя дѣла его, то въ сей первый томъ къ общему сношенію написахъ. Прошу не вмѣнить мнѣ сіе въ продерзость, яко сіе по долгу рабства воздаю...

Егда волею Всевышняго угасе свѣтъ славы Россійскія, умре отецъ нашъ Петръ Великій, съ нимъ умроша разумъ и вся чувствія, и память наша отступи, прииде мракъ печалей и бысть дождь слезный на лице всей Россіи. Всюду слышаны быша гласы рыданій и сердець стонанія, ястіе и питіе съ плачемъ растворяхъ, жизнію небрегохъ, сѣтуя хождахъ, плача и хождахъ о лишеніи отца нашего, Петра Великаго. Много времени уже минувши, дни и нощи едва не едина тьма бысть, по мнозѣ времени и плачѣ, узрѣлъ свѣтъ блаженную Екатерину, супругу блаженнаго Петра на престолѣ Петра Великаго Императрицею. И егда въ истинное разсмотрѣніе приидохъ, то узрѣли, что Державная Екатерина, наша радость, готовитъ вновь Россіи печаль, яко цвѣтъ увядаетъ, не увеселяетъ и престолъ Императорскій, ни вѣнецъ славы, ниже честь, ни любезныхъ сыновъ поздравленіе, ни пословъ поклоненіе, ниже любезныхъ чадъ зрѣніе, но обрѣтши единое желаніе совокупиться въ оной жизни съ любезнымъ супругомъ, Петромъ Великимъ, въ сѣтованіи и рыданіи жизнь сконча.

Уже не сумракъ, но тьма найде и нечувствіе, разумъ отступи, день и ночь едина тьма зрѣлась, забывахомъ на долзѣ снѣсти хлѣбъ въ печаляхъ нашихъ. Тѣ бѣдственныя злостраданія кто изречеть? Мнози печалію жизнь скончаша. По многовременной тьмѣ и печалей и скорбей узрѣхомъ утро являющее, день свѣтомъ озаренъ, видѣхомъ цвѣтъ, готовящій плодъ богатый, узрѣхомъ цвѣтъ Россійскій, Петра Втораго на престолѣ Великихъ Императоровъ, Петра и Екатерины, Императоромъ. Радостныя слезы ляхомъ, припадали и молили человѣколюбіе Божіе, да умножить его лѣта. Но за беззаконія наши отъя

Всевышній и сіе веселіе: взя смертію Петра Второго. Съ нимъ умроша всѣ чувства, умъ и память отступи отъ насъ, и невѣдуще: что дѣюще и камо грядуще, что право и что нѣсть? Во тѣмъ невѣдѣніи забудомъ, что на отцѣ наслѣдитъ стяжаніе дщерь, избраша законную, достойную и праведную наслѣдницу, возведоша на престолъ дщерь Царя Іоанна Алексѣевича, Анну Іоанновну Императрицею.

Но потомъ Богъ благослови дщерь Петра Великаго, Елизавету и возведе на державный престолъ почившихъ родителей ея, сотвори ю Императрицею, вѣнча славою и честію, обѣща во вѣкъ милость свою. Сихъ ради реченій укоснѣхомъ о явленіи дѣль Петра Великаго. Прошу не вмѣнить мнѣ въ безуміе неукрашеніе слога; не знаемо ми.

П. Крекишинъ.

2.

1725 годъ началомъ своимъ зѣло неблагополучіе Россіи оказаль: 28 текущаго Генваря, по волѣ всемогущаго Бога, всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій и Самодержавецъ Всероссійскій, отецъ отечества, Государь всемилостивѣйшій, Петръ Великій, чрезъ двѣнадцатидневную жестокою болѣзнь, отъ сего временнаго въ вѣчное блаженство отыде. Я не могу, отъ неискуства пера моего, описать, какъ, при толикомъ общенародномъ неблагополучіи, видимъ былъ общій плачь: старые сѣтуютъ, по что Петра Великаго пережили; молодые говорили: блаженны отцы наши, что жили во дни Петра Великаго, а мы только его видѣли, чтобъ о немъ плакать. Домашніе его рыдали день и ночь. По погребеніи его приходили великимъ множествомъ на гробъ его: всякъ хотѣлъ образъ его помнить. Вездѣ неутѣшная печаль въ Россіи на лицахъ всѣхъ изобрауетъ. Но распространяться о толикой печали недостатокъ моего сложенія прекращаетъ; ибо о томъ печальномъ времени свидѣтельствуютъ исторіи на разныхъ языкахъ, а на Россійскомъ діалектѣ отъ проповѣдниковъ говорено въ день погребенія Его Петра Великаго, Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, епископомъ Псковскимъ, въ день же годичнаго препоминенія въ Петропавловской церкви, гдѣ его Величества гробъ, отъ архимандрита Троицы Сергіева монастыря Гавріила, которыя проповѣди въ печать преданы, изъ чего довольно видно, какова была тогда ужасная печаль Россіи.

В. Нащокинъ.

3.

1725 году въ февралѣ мѣсяцѣ получилъ я плачевное извѣстіе, что отецъ отечества, Петръ, императоръ I, отъиде сего свѣта. Я омочилъ ту бумагу слезами, какъ по должности о моемъ государѣ, такъ и по многимъ его ко мнѣ милостямъ, и ей-ей, не лгу, былъ болѣе сутокъ въ безпамятствѣ; да иначе бы и мнѣ и грѣшно было: сей монархъ отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими; научилъ узнавать, что и мы люди; однимъ словомъ, на что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣеть, и что бы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ; а мнѣ собственно, сверхъ вышеписаннаго, былъ государь и отецъ милосердый. Да вчинить Господь душу его, многотрудившагося о пользѣ общей, съ праведными!

И. Неплюевъ.

4.

По дошедшимъ слухамъ къ государю, что чужестранцы почитаютъ его немилосердымъ, говорилъ его величество слѣдующую рѣчь, достойную блюсти въ вѣчной памяти: «Я вѣдаю, почитаютъ меня строгимъ государемъ и тираномъ. Ошибаются въ томъ не знающіе всѣхъ обстоятельствъ. Богу извѣстны сердце и совѣсть моя, колико соболѣзнованія имѣю я о подданныхъ и сколько блага желаю отечеству. Невѣжество, упрямство, коварство ополчались на меня всегда, съ того самаго времени, когда полезность въ государство вводитъ и суровые нравы преобразовать намѣреніе принялъ. Сіи-то суть тираны, а не я. Честныхъ, трудолюбивыхъ, повинующихся, разумныхъ сыновъ отечества возышаю и награждаю я, а непокорныхъ и зловредныхъ исправляю по необходимости. Пускай злость клевететь, но совѣсть моя чиста. Богъ судія мой! Неправое разглагольствіе въ свѣтѣ аки вихрь преходный».

Читающій сіе примѣтитъ можетъ, съ какою порывистою обнаженностію и соболѣзнованіемъ говорилъ о себѣ сей великій государь. Имѣвшимъ счастье быть близъ лица монарха сего извѣстна великая душа его, челоуѣколюбіе и милосердіе. Много было ему домашнихъ горестей и досадъ, на гнѣвъ преклоняющихъ, и хотя въ первомъ жару былъ вспылчивъ, однако

скороотходчивъ и непамятозлюбивъ. Ахъ, еслибъ знали многіе то, что извѣстно намъ, дивились бы снисхожденію его. Всѣ судять только по наружности. Если бы когда-нибудь случилось философу разбирать архиву тайныхъ дѣлъ его, вострепеталъ бы отъ ужаса, что содѣлывалось противъ сего монарха.

А. Нартовъ.

5.

Петръ наипаче то все нечестіе еще злѣе напомнилъ, а благочестіе до конца искоренилъ, возвышаяся противъ Господа Нашего Иисуса Христа, самъ главою церкви учинился и, какъ писано, времена и законъ и паки измѣнилъ и беззаконноющій завѣтъ весь исполнилъ *папезевъ* Петра Гунгливаго, Фармоса и царя Константина Ковалина еретика, иконоборца и другихъ такихъ же еретиковъ, яко же святіи отцы показаша Елифаній кипрскій чудо съ прочими, еже еutihскую ересь богоненавидимое брадъ бритіе всенародно въ Русіи, дьявольскій, мерзкій, блудолюбный образъ людямъ носить на себѣ заставилъ; еже въ книгѣ бесѣды евангельскія 36 въ толку св. Іоанна Златоустаго напечатано на Матѣя евангелиста, юнымъ космы и состарѣвшагося бритвою отъятіе власовъ явлено, яко брадобритіе дьявольскій образъ есть; а космы солдатамъ носить указалъ. Въ ту же прелесть платье и шапки и обувеніе все немѣцкое сдѣлалъ носить эллинскихъ богоотступныхъ людей обычаи, а христіанскаго обычая долгое платіе и прочее все оставилъ. И учинилъ по еретическимъ книгамъ школы маѳематическія и академіи богомерзкихъ наукъ, въ которыхъ уставилъ отъ звѣздочетія погодно печать зловѣрующіе календари. И по нихъ паче привели русскій народъ въ планеты и въ прочіе знаки, яко въ Бога вѣровати, понеже что въ нихъ напечатано того всякъ и смотреть, и впредь тому вѣрують быти, а на Бога имѣти въ томъ упованіе свое отложи. А о тѣхъ отреченныхъ книгахъ пишетъ въ книгѣ Алѳавитѣ азбучномъ и блаженный Максимъ грекъ, еже маѳематическія отреченныя книги Златоструй Марасонъ, сирѣчь черныя, ихъ же суть четыре: арѳиматикии, мусикии, геометріи, астрономіи, еже есть звѣздочетія; то же маѳематикою наречеть. Онъ же, Максимъ грекъ, о зодіи и планетъ глаголетъ: еже всякъ вѣруяи звѣздочетію и планетамъ и всякому чернокнижію проклять есть...

По тому же онъ, льстецъ, чинилъ явной своей прелести мушкараты и комедіи производилъ. Еще-жъ и демонскія рожи человѣка, аки демоны, рядилъ и парики съ такими же хвостами воинству своему пристроилъ. И другія всякія кѣби (по польски *kobieciarstwo* — женолюбіе) въ томъ своемъ мушкаратѣ, собравъ всѣхъ земель платіемъ людей и птицъ, и звѣрей, и гадъ окружно во всѣй Москвѣ ходилъ и явилъ...

И тѣмъ богомерзкимъ мушкаратомъ стоящей въ большомъ соборѣ древней всякой святынѣ руганіе и насмѣшество творилъ, иже съ такимъ собраннымъ вавилонскимъ содомомъ, при исходѣ дни и кругъ того собору игрищески, богопротивно по трижды, непристойно съ великимъ звономъ объѣзжалъ (съ боку: святки сквернилъ). А во святки по вся годы такоже славленіе заводилъ такимъ же наряднымъ приборомъ и всякимъ... и бѣсовскими пѣсни бѣшеніемъ и шутѣйшихъ своихъ со всесквернѣйшими словами. Тоже чинилъ и въ нарядныхъ свадьбахъ, и бывшій въ Русіи законъ христіанскій такими руганіи токмо посмѣшествовалъ, чего бы такова злаго поруганія на славленіяхъ и на свадьбахъ никому отъ человѣкъ творити такъ невозможно. Еще и паче при такихъ своихъ славленіяхъ и свадьбахъ потѣхамъ всяко помраченнымъ и насильнымъ пьянствомъ многихъ людей поморилъ *)...

Еще-жъ наипаче всего онъ, хульникъ и богопротивникъ, самъ себя повелевалъ въ народѣ лживымъ своимъ учителемъ со удивленіемъ, аки Бога, прославляти, и на такія хвалы, ежебы для побѣды враговъ по устроеннымъ воротамъ на встрѣчахъ своихъ въ прибытіяхъ въ Москву, еже тогда къ такимъ его прославленіямъ малыхъ отрочать наряжали въ бѣлые подстихари, которые у нихъ при тѣхъ воротѣхъ и при Спасскомъ монастырѣ шествію его, что съ ваіями и вѣтми прилично велегласно пѣвали, како божіимъ изволеніемъ дѣти еврейскіе на входъ во Іерусалимъ хвалу Господу нашему Іисусу Христу, Сыну Божію съ ваіями и вѣтми пѣли: благословенъ грядый во имя Господне, Богъ Господь и явился намъ и проч...

*) А что тѣмъ же мушкаратомъ стоящей въ большомъ соборѣ древней святынѣ руганіе и посмѣшество творилъ, написалъ же онъ, Иванъ, къ тому, что нарядясь въ мушкаратъ, ѣздилъ округъ собору съ великимъ звономъ, подобно ходу съ кресты, и то все Богу противно жъ и не малый грѣхъ. (Объясненія И. Павлова).

А изъ Спасскагожъ монастыря выходя неоднократно, якобы терновъ вѣнецъ на главѣ своей нося, казалъ, тако и на монетахъ своихъ (1724 г.) печати приказалъ. Тако же и до скрытія времени своего года за польчетверта титлами своими превознесся паче всякаго глаголемаго Бога, еже въ книгѣ Кириллы іерусалимскаго видимо о немъ напечатано, яко антихристъ во имени Симона Петра въ Римѣ иматъ царствовати; что же онъ въ третьемъ Римѣ, сирѣчь въ Русіи, тѣмъ именемъ и показался и по себѣ впредь всякимъ своимъ уставомъ указалъ быть тому же. Понеже и въ канунѣ о полтавской надъ шведами побѣдѣ въ сѣдальнѣ напечатали его не толико антихристомъ, но и Христомъ и Русія, еже ему вручена въ жительство, чего такой гордости его и таковаго необычайнаго дѣйствія у насъ въ Русіи до него явившагося ни отъ кого прежнихъ благочестивыхъ великихъ князей и царей, и еже, кои были до св. крещенія Русіи въ нечестіи, нѣсть того явственно никакъ не бывало. И потому его всякому богопротивному творенію по объявленнымъ божественнымъ писаніемъ въ нынѣшнія явственно показанныя послѣднія времена всякъ человекъ имуще отъ Бога данный разумъ по испытаніи божественнаго писанія можетъ и умомъ своимъ познати, еже оный въ Русіи, рекше въ третьемъ Римѣ, си по римскимъ здѣсь многимъ опредѣленіямъ любовнымъ ему и явился сынъ погибели, хульникъ и противникъ божій, еже есть антихристъ.

И. Павловъ.

6.

Петръ Великій, подражая чужестраннымъ народамъ, не токмо щался ввести познанія наукъ, искусствъ и ремесль, военное порядочное устроеніе, торговлю и приличнѣйшія узаконенія въ свое государство, также старался ввести и таковую людскость, сообщеніе и великолѣпіе, о коемъ ему сперва Лефорть натвердилъ, а потомъ которое и самъ онъ усмотрѣлъ. Среди нужныхъ установленийъ законодательства, учрежденія войскъ и артиллеріи, не меньше онъ прилагалъ намѣренія являющіяся ему грубые, древніе нравы смягчить. Повелѣлъ онъ бороды брить, отмѣнилъ старинныя русскія одѣянія и вмѣсто длинныхъ платьевъ заставилъ мужчинъ нѣмецкіе кавтаны носить, а женщинъ, вмѣсто тѣлогреи, бостриги, юбки, шлафорки и самары, вмѣсто

подкалковъ, фонтанжами и корнетами голову украшать. Учредилъ разныя собранія, гдѣ женщины, до сего отдаленныя отъ сообщенія мужчинъ, вмѣстѣ съ ними при веселіяхъ присутствовали. Пріятно было женскому полу, бывшему почти до сего невольницами въ домахъ своихъ, пользоваться всѣми удовольствіями общества, украшать себя одѣянiями и уборами, умножающими красоту лица ихъ, и оказующими ихъ хорошій станъ; не малое же имъ удовольствіе учинило, что должны прежде видѣть съ кѣмъ на вѣкъ должны совокупиться, и что лица жениховъ ихъ и мужей уже не покрыто столь колючими бородами. А съ другой стороны пріятно было молодымъ и незаматерѣлымъ въ древнихъ обычаяхъ людямъ, вольное обхожденіе съ женскимъ поломъ, и что могутъ напередъ видѣть и познать своихъ невѣстъ, на которыхъ прежде, повѣряя взору родителей своихъ, женивались. — Страсть любовная, до того почти въ грубыхъ нравахъ незнаемая, начала чувствительными сердцами овладѣвать, и первое утвержденіе сей перемѣны отъ дѣйствія чувствъ произошло. А сіе самое и учинило, что жены, до того нечувствующія своей красоты, начали силу ея познавать, стали стараться умножать ее пристойными одѣянiями, и болѣе предковъ своихъ распростерли роскошь въ украшеніяхъ. О коль желаніе быть пріятной дѣйствуетъ надъ чувствами женъ! Я отъ вѣрныхъ людей слыхалъ, что тогда въ Москвѣ была одна только уборица для волосовъ женскихъ и ежели къ какому празднику когда должны были младыя женщины убираться, тогда случалось, что она за трои сутки нѣкоторыхъ убирала, и онѣ должны были до дня выѣзда сидя спать, чтобы убору не испортить. Можетъ быть, сему не повѣрятъ нынѣ, но я паки подтверждаю, что я сіе отъ столь важныхъ людей слышалъ, что въ семъ сомнѣваться недолжно. Естли страсть быть пріятной такое дѣйствіе надъ женами производила, немогла она неимѣть дѣйствія и надъ мужчинами, хотящими имъ угодными быть, то тщаніе украшеній, ту же роскошь раждала. И уже перестали довольствоваться однимъ или двумя длинными платьями, но многія съ голунами, съ шитьемъ и съ пондесланами (?) дѣлать начали.

Касательно до внутренняго житья, хотя самъ государь довольствовался самою простою пищею, однако онъ ввелъ уже въ употребленіе прежде незнаемыя въ Россіи напитки, которые предпочтительно другимъ пиваль. То-есть, вмѣсто водки домашней, сиженой изъ простаго вина, водку голландскую анисовую, которая приказной называлась и вины: ермитажъ и венгерское, до того незнаемыя въ Россіи.

Подражали ему его и вельможи и тѣ, которые близко были къ двору; да и въ самомъ дѣлѣ надлежало имъ сіе имѣть; ибо Государь охотно подданныхъ своихъ посѣщаль, то подданный чего для Государя не сдѣлаеть? Правда сіе не токмо было для него угодно, но напро́тиву того, онъ часто за сіе гнѣвался, и не токмо изъ простаго вина подслащенную водку, но и самое простое вино пиваль; но и собственное желаніе удовольствія, до того ими незнаемаго, превозмогло и самое запрещеніе государево, дабы послѣдовать его вкусу. Уже въ домахъ завелися не токмо анисовая, приказная водка, но и гданскія: вина не токмо старинныя, о коихъ выше помянуто, но также ермитажъ, венгерское и другія. Правда, что еще сначала ихъ довольно бережливо подавали и въ посредственныхъ домахъ никогда въ обыкновенные столы употребляемы не были, но токмо во время праздниковъ и пиршествъ, да и тутъ не стыдились принести четвертную, запечатанную и наливъ изъ нее по рюмкѣ, опять запечатавъ на погребѣ отослать.

Однако хотя Петръ Великій самъ не любилъ и не имѣлъ времени при дворѣ своемъ дѣлать пиршества, то оставилъ сіе любимцу своему кн. Меншикову, который часто оныя, какъ въ торжественныя дни, такъ и для чужестранныхъ министровъ съ великимъ великолѣпіемъ по тогдашнему времени чинилъ. Имѣлъ для сего великій домъ, не токмо на то время, но и въ нынѣшнее; ибо въ оный послѣ кадетскій сухопутный корпусъ былъ помѣщенъ, и слыхалъ я, что Государь, видя изъ дворца своего торжество въ домѣ его любимца, чувствовалъ удовольствіе, говоря: «вотъ какъ Данилычъ веселится». Равно ему подражая, такъ и бывъ обяваны самыми своими чинами, другіе первосановники Имперіи, также имѣли открытые столы, какъ Генераль-Адмираль Графъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, Генераль-Фельдмаршалъ Графъ Б. П. Шереметевъ, Канцлеръ Графъ Гаврилъ Ивановичъ Головкинъ, и Бояринъ Тихонъ Никитичъ

Стрешневъ, которому, поелику онъ оставался первымъ правителемъ Имперіи, во время отсутствія въ чужіе краи Императора Петра Великаго, на столъ и деревни были даны.

Симъ знатнымъ людямъ и низшіе подражая, уже въ многихъ домахъ открытые столы завелися, и столы не такіе, какъ были старинные, то-есть, что токмо произведенія домостройства своего употреблялись; но уже старались чужестранными приправами придать вкусъ добротѣ мясъ и рыбѣ.

И конечно въ такомъ народѣ, въ которомъ гостепріимство сочиняло всегда отличную добродѣтель, нетрудно было ввести въ обычай таковыхъ открытыхъ столовъ употребленіе; что соединяясь и съ собственнымъ удовольствіемъ общества, и съ лучшимъ вкусомъ кушанья противу стариннаго, самымъ удовольствиемемъ утверждалось.

Не непріятель былъ Петръ Великій честному обществу; но хотѣлъ, чтобы оно безубыточно каждому было. Онъ учредилъ ассамблеи, на которыя въ назначенные дни множество собиралось. Но симъ ассамблеямъ предписалъ печатными листами правила, что должно на столъ поставлять, и какъ принимать пріѣзжихъ, симъ упреждая и излишнюю роскошь, и тягость высшихъ принимать; ибо общество ни въ опиваніи и обжираніи состоитъ и неможетъ оно быть пріятно гдѣ нѣтъ равености. Самъ часто Государь присутствовалъ въ сихъ ассамблеяхъ и строго наблюдалъ, дабы предписанное исполнялось.

Но слабы были сіи преграды, когда вкусъ, естественное самолюбіе и роскошь стараются поставленную преграду разрушить; и гдѣ неравность чиновъ и надежда получить что отъ вельможъ истребляютъ равеность.

Въ присутствіи Государевомъ, учиненныя имъ предписанія сохранялись въ ассамблеяхъ, но въ простомъ житиі роскошь и униженіе утверждали свои корни.

И подлинно мы видимъ, что тогда зачали уже многіе дома упадать, и упадающіе ожидать отъ милости Государской и отъ защищенія вельможъ своего подкрѣпленія. Изъ первыхъ знатныхъ домовъ, мнѣ случалось слышать объ домѣ Князя Ивана Васильевича Одоевскаго...

Я, сказалъ о семъ Князь Одоевскій, яко о раззорившемся человѣкѣ; но и многіе другіе если не въ раззореніи отъ сей

перемены жизни пришли, то по крайней мере чувствовали немалую нужду.

Дабы умолчать о прочих, Борисъ Петровичъ Шереметевъ, Фельдмаршалъ, именитый своими дѣлами, обогащенный милостью монаршею, принужденъ однако былъ впередъ Государево жалованье забирать и съ долгомъ симъ скончался, яко свидѣтельствуешь сіе самая его духовная. И послѣ смерти жена его подавала письмо Государю, что она отъ исковъ и другихъ убытковъ пришла въ разорѣніе.

Переменившійся такимъ образомъ родъ жизни сначала первосановниковъ Государства, а въ подражаніе имъ и другихъ дворянъ, и расходы: достигши до такой степени, что стали доходы превозвышать, начали люди наиболѣе привязываться къ Государю и вельможамъ, яко къ источникамъ богатства и награжденій...

Грубость нравовъ уменьшилась, но оставленное ею мѣсто лестью и хамствомъ наполнилось; оттуда произошло раболѣпство, презрѣніе истины, обольщеніе Государя и прочія зла, которыя днесъ при дворѣ царствуютъ, и которыя въ домахъ вельможей вознѣздились.

Сказаль я, что сластолюбіе и роскошь могли такое дѣйствіе въ сердцахъ произвести; но были еще и другіе причины, происходящія отъ самыхъ учреждений, которыя твердость и добронравіе искореняли. Разрушенное мѣстничество (вредное впрочемъ службѣ и государству) и незамѣненное никакимъ правомъ знатнымъ родомъ, истребило мысли благородной гордости въ дворянахъ; ибо стали не роды почтенны, а чины и заслуги и выслуги, и тако каждый сталъ добиваться чиновъ, а не всякому удасться прямыя заслуги учинить, то за недостаткомъ заслугъ, стали стараться выслуживаться всякими образами лъстя и угождая Государю и вельможамъ; а при Петрѣ Великомъ введенная служба, въ которую вмѣстѣ съ холопами ихъ носили на одной степени ихъ господъ въ солдаты, и сіи первые по выслугамъ пристойнымъ ихъ роду людямъ, доходя до офицерскихъ чиновъ, учинились начальниками господамъ своимъ и бивали ихъ палками. Рода дворянскіе стали раздѣлены по службѣ такъ, что иной однородцовъ своихъ и вѣкъ не увидить.

То могла ли остаться добродѣтель и твердость въ тѣхъ, которые въ юности своей отъ палки своихъ начальниковъ дрожали? Которые иначе какъ подслугами почтенія не могли пріобрѣсти и бывъ каждый безъ всякой опоры отъ своихъ однодворцевъ, безъ соединенія и защиты, оставался единъ, могущій преданъ быть въ руки сильнаго.

Похвально есть, что Петръ Великій хотѣлъ истребить суевѣріе въ законѣ ибо въ самомъ дѣлѣ не почтеніе есть Богу и закону суевѣріе, но паче руганіе: ибо прописывать Богу неприличныя дѣянія сіе есть богохулить.

Въ Россіи бороду образомъ Божіимъ почитали, и за грѣхъ считали ее брить, а черезъ сіе впадали въ ересь антроморфитовъ. Чудеса, безъ нужды учиненныя, явленные образы, рѣдко доказанные, повсюду прославляли, привлекали суевѣріе богомоліе и дѣлали доходы развратнымъ священно-служителямъ. Все сіе Петръ Великій тщился отвратить; указами повелѣлъ брить бороды, и духовнымъ регламентомъ положилъ преграду ложнымъ чудесамъ и явленіямъ, равно какъ и неблагопристойнымъ сборамъ при поставленныхъ на распутіяхъ образахъ. Зная, что законъ Божій есть къ сохраненію рода человѣческаго, а не къ истребленію его безъ нужды, благословленіемъ отъ Синода и отъ вселенскихъ Патріарховъ учинилъ позволено есть мясо въ посты въ нуждѣ, а паче въ морской службѣ, гдѣ и безъ рыбы довольно люди къ скорбутинѣ подвержены, повелѣвая самоохотно жертвующихъ жизнью своею, таковымъ воздержаніемъ, во время приключившихся отъ болѣзней, въ воду кидать. Все сіе очень хорошо, окромѣ что послѣднее нѣсколько сурово.

Но когда онъ сіе учинилъ? когда народъ былъ еще не просвѣщенъ, и тако отнимая суевѣріе у непросвѣщеннаго народа, онъ самую вѣру къ божественному отнималъ. И сіе дѣйствіе Петра Великаго, можно примѣнить къ дѣйствію неискusstнаго садовника, который у слабаго дерева отрѣзываетъ водяныя, пожирающія его сокъ вѣтви. Если бы оно было корнемъ сильно, то сіе отрѣзываніе учинило ему произвести хорошія и плодovitыя вѣтви; но какъ оно слабо и больно, то урѣзами сихъ вѣтвей, которыя чрезъ способъ листьевъ своихъ, получающихъ внѣшнюю влагу, питали слабое дерево, отнявъ ее новыхъ плодovitыхъ вѣтвей непроизвело, ниже сокомъ раны затянуло, и тутъ содѣлались дупла, грозящія погибелью дереву. Такъ

урѣзанье суевѣрій и на самыя основательныя части вѣры вредъ произвело; уменьшились суевѣрія, но уменьшилась и вѣра; исчезла рабская боязнь ада, но исчезла и любовь къ Богу и къ святому его закону; и нравы за недостаткомъ другаго просвѣщенія, исправляемыя вѣрою, потерявъ сію подпору, въ развратъ стали приходить.

Итакъ, хотя Россія, чрезъ труды и попеченія сего Государя приобрѣла знаемость въ Европѣ и вѣсь въ дѣлахъ; войска ея стали порядочнымъ образомъ учреждены, и флоты Бѣлое и Балтійское море покрыли, коими силами побѣдила давныхъ своихъ непріятелей и прежнихъ побѣдителей, Поляковъ и Шведовъ, приобрѣла знатныхъ области и морскія пристанища. Науки, художества и ремесла стали въ ней процвѣтать, торговля начала ее обогащать и преобразовались Россіяне — изъ бородатыхъ въ гладкіе, изъ долгополыхъ въ короткополые, стали сообщительнѣе и позорища благодѣтельныхъ извѣстны имъ учинились. Но тогда же искренная привязанность къ вѣрѣ стала исчезать, таинства стали впадать въ презрѣніе, твердость уменьшилась, уступая мѣсто нагло стремящейся лести, роскошь и сластолюбіе положили основаніе своей власти, а симъ побужденіемъ и корыстолюбіемъ къ разрушенію законовъ и ко вреду гражданъ начало проникать въ судебныя мѣста. Таково есть состояніе, въ которомъ (не взирая на всѣ преграды, которыя собственно своею особою и своимъ примѣромъ полагалъ Петръ Великій для отвращенія отъ пороковъ), вразсужденія нравовъ осталася Россія по смерти сего великаго Государя.

М. Щербатовъ.

всемъ городѣ каменныхъ зданій были только губернаторскій домъ и магазины, куда складывались товары. Улицы вымощены бревнами, потому что почти весь городъ стоитъ на болотѣ.

Поэзе.

ОТЪ ПЕТЕРБУРГА ДО МОСКВЫ.

(Изъ писемъ 1730 г.). Мы выѣхали изъ дому 5 марта въ саняхъ; это экипажъ, сдѣланный изъ дерева, наподобіе колыбели и обитый кожею; въ немъ можно лежать, какъ въ постели, одѣвшись одѣяломъ; жаль, что въ саняхъ не можетъ помѣститься болѣе одного человѣка, это лишаетъ удовольствія имѣть общество. Мы ѣхали днемъ и ночью и прибыли въ Москву 9-го числа. Вы скажете, мы очень скоро ѣхали? что на это отвѣчать? не находя для отдыха хорошаго помѣщенія въ дурныхъ комнатахъ, мы на станціяхъ перемѣняли только лошадей; кушаньемъ же на всю дорогу запаслись дома. Народъ весьма учтивъ, но такъ угнетенъ бѣдностію, что едва виденъ въ немъ образъ человѣческой. Если исключите хижины, расположенныя на нѣкоторомъ пространствѣ вокругъ почтовыхъ дворовъ, то вамъ представится страна пустынная, въ которой нѣтъ ни городовъ, ни гостиниць. Густой лѣсъ, покрытый снѣгомъ, представляетъ какую-то очаровательную картину; я часто воображаю, что снѣгъ на древесныхъ пняхъ и вѣтвяхъ превращается въ многообразныя фигуры! Между прочимъ я видѣла медвѣдей и волковъ, которые теперь царствуютъ въ лѣсахъ.

Леди Рондо.

СЛУЖБА ДВОРЯНИНА НА ВОСТОЧНОЙ ОКРАИНѢ.

Прибыль я, наконецъ, съ нею (женою) и съ дѣтьми моими, Анною и Николаемъ, въ Самару, въ которомъ, на Волгѣ лежащемъ городѣ, всѣ командиры той экспедиціи имѣли свое пребываніе, а граница оставалась вся неукрѣпленною, кромѣ нѣкотораго малаго числа крѣпостей по Самарской и Яицкой линіямъ, и главнѣйшая изъ тѣхъ крѣпость, именуемая Оренбургъ, а послѣ мною переименованная Орскою, на рѣкѣ Яикѣ, была окружена заборомъ изъ плетня, осыпаннымъ землянымъ брустверомъ и снабженная малымъ числомъ гарнизона. Въ ту крѣпость Орскую по однажды

въ годъ ѣзжали командиры со многочисленнымъ конвоемъ, потому что по всей той линіи регулярныхъ командъ нигдѣ не было, кромѣ бѣглыхъ крестьянъ, названныхъ казаками, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ населенныхъ, а въ зиму и вовсе коммуникація съ Яицкою линією пресѣкалась.

Увѣдавъ о всемъ томъ, первую должностію почелъ осмотрѣть всѣ мѣста и положенія той линіи; почему того жъ 1742 году по онымъ и ѣздилъ и, сдѣлавъ примѣчанія, опредѣлилъ: заведенныя селенія и вновь мною на пустыхъ и удобныхъ мѣстахъ назначенныя укрѣпить по правиламъ фортификаціоннымъ и, отъ степнаго народа къ оборонѣ достаточнымъ, снабдя всѣ тѣ мѣста гарнизономъ изъ регулярныхъ, артиллерією и пороховыми казнами, а прежде меня названную крѣпость Оренбургскую переименовавъ Орскою по близости рѣки того названія, укрѣпить валомъ съ бастионами. Къ переименованію жъ имени сей крѣпости, и что я за главную къ торговлѣ ту не могъ назначить, были таковыя причины: 1-е) то мѣсто безлѣсно; 2-е) построена на поемномъ мѣстѣ и по сему къ житью нездорова; 3-е) для произведенія торговли, по отдаленности и по опасности въ проѣздахъ купцамъ російскимъ, неспособная; 4-е) въ проѣздѣ къ той крѣпости по пустымъ мѣстамъ всегда подвержены были купеческіе капиталы грабленію отъ киргизцовъ, чтò и ежегодно исполнялось. Для всѣхъ сихъ обстоятельствъ и болѣе для ближайшаго надзираія надъ склоннымъ къ бунтамъ Башкирскимъ народомъ, внутри тѣхъ линій поселеннымъ, избралъ я мѣсто ниже по теченію рѣки Яика прежде означенной главной крѣпости 250 верстъ и основалъ тутъ крѣпость, которую и наименовалъ, слѣдуя первому названію, Оренбургомъ. О всемъ вышеописанномъ донесъ я какъ въ сенатъ, такъ и въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, отъ коихъ я получилъ во всемъ томъ аппробацію. Возымѣвъ тоѣ, было мое стараніе привести тотъ городъ въ порядокъ, какъ для безопасности жителей, назнача оный оградить рвомъ и валомъ съ каменною одеждою въ цирконференціи безъ мала 5 верстъ, и снабдить достаточнымъ гарнизономъ и поселянами, для коихъ, какъ и многія публичныя строенія, построилъ я изъ казны, приманивая купцовъ изъ Самары и изъ другихъ мѣстъ разными выгодами; а какъ во всякомъ случаѣ лучшей примѣръ къ снесенію труда можетъ подать командующій, то я самъ на томъ мѣстѣ жилъ

въ палаткахъ до ноября мѣсяца, имѣя только для дочери моей кибитку, а для себя обыкновенную землянку, каковыя и у послѣдняго жителя были, и не прежде въ построенный камандирскій домъ вошелъ, какъ и всѣ жители — въ ихъ дома, а гарнизонъ — въ казармы, и болѣе уже (по прежнему обычаю командировъ) въ Самару, то-есть, въ Русь, не возвращался. Сіе исполнивъ, обратилъ я мое вниманіе на приманиваніе къ торговлѣ купцовъ изъ Россіи, также и азіатцевъ. О первыхъ писалъ я во всѣ магистраты, увѣряя, что польза собственная ихъ изъ словъ моихъ будетъ свидѣтелемъ; а для вторыхъ посылалъ я за границу грамоты, приглашая, какъ киргизцовъ, такъ хивинцевъ, ташкенцевъ, кашкарцевъ, трухменцевъ и бухарцевъ къ торговлѣ, обнадеживая и симъ ихъ пользою. Въ сію посылку употреблялъ я магометанъ, татаръ слободы Сеитовой; и какъ сей народъ легко ослѣпленъ быть можетъ корыстію, то я сихъ татаръ и наградилъ изобильно и обнадежилъ, по исполненіи ихъ комиссіи съ успѣхомъ, наградить еще болѣе*), кои, получа первое и льстясь послѣднимъ, столь усердно по всѣмъ тѣмъ областямъ старались, что съ 1745 году знатный торгъ въ Оренбургѣ возымѣлъ начало, такъ что я уже въ состояніи былъ, вмѣсто получаемыхъ отъ начала той экспедиціи ежегодно до 30,000 руб. изъ казны, содержать оную отъ доходовъ пошлинныхъ; а сверхъ того, ввезено торгомъ въ Россію вошедшаго въ объявленіи слишкомъ 5,000 руб. серебра, а болѣе того числа вошло, кое не было въ объявкѣ, и не мало золота, а пошлинный сборъ доходилъ до 50 тысячъ въ годъ. Прежде меня отъ бывшей коммерціи никогда трехъ тысячъ въ годъ не приходило. Въ 1743 году ѣздилъ я выше той Орской крѣпости, вверхъ по рѣкамъ Яику и Ую, которое разстояніе отъ заложенаго мною Оренбурга слишкомъ 700 верстъ, на коемъ, кромѣ Верхояицкой крѣпости, по всей линіи никакого не было укрѣпленія и селенія. По удобнымъ мѣстамъ назначилъ я созидать крѣпости и редуты и тѣ снабдилъ гарнизонами и всѣмъ потребнымъ; къ размноженію жь торга за полезное призналъ и на Уйской линіи построить одну крѣпость познатнѣе, для того, что къ

*) Слобода Сеитова подь Оренбургомъ на рѣкахъ Сакмарѣ и Каргалѣ (нынѣ посадъ Сентовскій или Каргола) основана Неплюевымъ въ 1744 году и первоначально была заселена зажиточными торговыми людьми изъ Казанскихъ татаръ.

той рѣкѣ прилегаютъ киргизцы Средней Орды, коимъ въ Оренбургъ на торгъ ѣздить, за отдаленностью, не было удобно, а болѣе для обузданія башкирцевъ Ногайской дороги. Все сіе мое учрежденіе получило апробацію; а я, видѣвъ дѣламъ моимъ успѣхъ въ пользу отечества, былъ совершенно доволенъ и спокоенъ, забывъ ту прискорбность, съ кою въ сію экспедицію прибылъ. На возвратномъ моемъ пути съ верхней линіи превозмогла грусть жену мою, которая въ томъ же году, въ Орской крѣпости, преставилась. Я рѣшилъ удалиться съ сего мѣста, что и исполнилъ, отдавъ ей послѣдній долгъ пристойнымъ погребеніемъ.

Въ 1745 году представилъ я о переименованіи сей экспедиціи въ губернію и о приписаніи ко оной отъ Казанской, Уфимской и отъ Сибирской Исецкой провинцій, что также апробовано. Во многихъ мѣстахъ лежавшіе отъ начала праздно въ нѣдрахъ земныхъ минералы стараніемъ моимъ сдѣлались открыты; а по сему и желающіе явились заводить разные заводы, коихъ польза, какъ общая, такъ и частная заводчиковъ, всѣмъ уже извѣстна, почему я и описывать то оставляю.

И. Неплюевъ.

П О М Ѣ Щ И К И.

(1750 г.). Жизнь, которую я по приѣздѣ моемъ въ деревню принужденъ былъ вести, была совсѣмъ отлѣнна отъ той, какую я велъ до того времени. До того жилъ я все съ мужчинами и посреди всегдашняго многолюдства, а тутъ долженъ былъ жить съ однѣми женщинами и наиболѣе старушками, и дни свои препровождать въ совершенномъ почти уединеніи... Но, правду сказать, и околотокъ нашъ былъ тогда такъ пустъ, что никого изъ хорошихъ и богатыхъ сосѣдей въ близости къ намъ и не было. Тогдашнія времена были не таковы, какъ нынѣшнія. Такого великаго множества дворянскихъ домовъ, повсюду съ живущими въ нихъ хозяевами, какъ нынѣ, тогда нигдѣ не было. Все дворянство находилось тогда въ военной службѣ, и въ деревняхъ живали одни только престарѣлыя старики, не могущіе болѣе нести службу, или за болѣзнями и дряхлостью, по какому-нибудь особливому случаю оставленные, и всѣхъ такихъ было не много. Въ другихъ домахъ живали также однѣ только старушки съ женами служа-